

УДК 821.161.1-1(470.331)

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ТВЕРСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЛЮБОВИ ГОРДЕЕВОЙ

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

Лирика Л. Гордеевой по своему характеру романтическая со свойственными для романтизма поэтикой сна, противопоставлением героя толпе, двоением, ассоциативно-метафорической образной системой. Она уходит в свой внутренний мир, не принимая современную социальную действительность. В лучших своих стихах она выходит на философский уровень осмысления бытия. Основой её оптимизма является вера. Природу она воспринимает как Божий мир. Мастерство и профессионализм поэтессы проявляется в разнообразии строфики, в тонкой инструментовке, в своеобразии топики.

Ключевые слова: *Л. Гордеева, романтизм, сон, природа, национальный характер, вера, надежда, любовь, родина.*

Любовь Гордеева (Любовь Григорьевна Семенова) талантливая поэтесса из российской глубинки. «Стихи Гордеевой привлекли внимание любителей поэзии искренностью, женской исповедальностью» [8, с. 5], – писал о ней признанный ценитель художественного слова, писатель и издатель М. Петров. Пафос её творчества он видит в чувстве «сострадания, сочувствии к человеку и миру» [9, с. 5]. Рост поэтического мастерства и меры ответственности поэтессы отмечал выдающийся тверской поэт К. Рябенский: «Главное – она стала более раскованной, свободной...» [10, с. 3]. В её поэзии «многое трогает, заставляет задуматься, Там есть главное – чувство времени, чувство сострадания. То, чем всегда жила русская поэзия» [10, с. 4].

Любовь Гордеева окончила Московский государственный институт культуры. Она автор четырех поэтических сборников. Рекомендована в члены Союза писателей России. Живет в Лихославле. Земляки знают её как прекрасного исполнителя романсов. Её стихи публиковались в местных и областных газетах, альманахах и журналах. Яркая индивидуальность Гордеевой позволяет говорить о её неповторимом идиостиле, своеобразии проблематики и поэтики. Личность – понятие интеллектуально-духовное. Личность человека неповторима, как неповторимы отпечатки пальцев, рисунок ушной раковины или радужной оболочки. «Высшее творчество человека есть устройство своей личности и всей своей жизни, иначе говоря, духовная жизнь, невозможная без помощи свыше. <...> Личность более всего постигается интуитивно» [6, с. 18, 19]. И где же проявиться личностному началу, как не в поэтическом творчестве, которое воплощает весь жизненный

и духовный опыт человека. Не каждому стихотворцу это удастся. Только истинные поэты достигают этой цели. К ним относится и Любовь Гордеева.

Жизнь поэтессы наполнена музыкой. Образы, связанные с этой сферой искусства, становятся отличительной особенностью её поэзии. При этом она ощущает связь мелодии жизни с высшими сферами, Горним миром. Только она может так сказать:

Время тихих песнопений
Пододвинулось ко мне.
Опускаюсь на колени
В непроглядной тишине,
Обнимаю прикоснувшись
Ноту редкой чистоты.
И, на зов мой обернувшись,
Ангел смотрит с высоты.
За свечение короны
Отступает звездный зал,
Голоса и перезвоны,
Перешедшие в хорал [2, с. 6].

Поэтесса «слышит музыку в себе» [2, с. 6], «музыку тихого света» [3, с. 67]. Она буквально «осязает ноты» [2, с. 8], ощущает «бег и плач скорбных нот» [2, с. 23], «слышит голос – это плачет скрипка // О моей загубленной судьбе» [3, с. 23]. Источник мелодии души – струна: «И миг задел струну душистого томления» [3, с. 48]. Для неё особенно значим мир звуков: «Падают слёзы, как звуки» [2, с. 64], «Грезит под небом, грезит любовью // Сладкий пленительный звук» [2, с. 81].

Саму жизнь, отношения с любимым, восприятие мира, природы поэтесса воспринимает как песню: «И звучит, как песня, речь твоя» [2, с. 13], «Душа свободная поёт, // Сплетая нити голубые» [2, с. 100]. Она «пропеваешь суть земного» [2, с. 15]. Печаль в её стихах «прольется песней вдохновенной» [2, с. 12]. И «знает душа, что ещё не пропета // Песня прощальная ей» [3, с. 51]. Когда поэтесса хочет передать красоту и гармонию окружающего мира, ей хочется «петь и наслаждаться пеньем». Птицы не просто поют, а «поют хором» [3, с. 89]. Суть вдохновенья состоит в том, что «пролились звуки неземного пенья» [3, с. 50].

Если у поэтессы прекрасное настроение и она восхищается окружающим миром, то ей «некогда о прожитом грустить» и хочется «только петь и наслаждаться пеньем» [3, с. 89], «песен, бесконечных песен голосом любви пропеть» [3, с. 106]. А когда возникает душевный кризис, то ей кажется, что «все песни пропеты» [3, с. 114]. Второй сборник стихов она так и назвала: «Музыка небес». Характерны её стихи «Музыка Рахманинова», «Помню, мать моя пела...», «К музыке». Поэтесса признается: «Доверюсь, музыка, тебе! // Ведь ты была в моей судьбе // не просто гостьей незнакомой – // была ты главной и введомой. // Лилась с небес...» [4, с. 144].

Музыка звучит в душе лирической героини, а чтобы её слышать, нужна тишина. Тишина «звучит, как хоровая партитура» [3, с. 76], – утверждает поэтесса и вслушивается в неё всеми фибрами души. В стихотворении «Тишина» она прямо подчеркивает значимость этого особого состояния бытия

для духовной жизни: «Принимаю, люблю тишину // Потому как в её глубине // Утонув, я услышать могу // То, что близко и дорого мне» [4, с. 160]. Гордеева и себя подчас ощущает частью этой глобальной тишины. Уходя от суеты социального мира, она выражает единственное желание: «Хочу, чтоб тишина венчала // Величье крон... // Уединение – бальзам для раненой души!» [3, с. 10]. Лунный свет пробивается к «тишине, спящих вод» [3, с. 19], в тишине творится молитва. В стихотворении, воплощающем смысл названия книги «Пески времени», возникает образ «тишины над тишиной» как символ забвенья, конца физического мира, когда только чистые души праведников спасутся, «успеют слиться с колокольным звоном»:

Накроют все пути пески времен,
Все отпечатки, запахи и звуки,
Оставив небу колокольный звон
Да горький пепел повседневной муки.
И встает тишина над тишиной –
Ни голоса, ни вздоха, ни моления.
В пустыню обратиться сад земной,
Как будто не было тех первых дней
Творенья [4, с. 245].

Таким образом, ключевые образы Гордеевой концептуальны и несут в себе глубинный онтологический смысл. Внутреннее состояние собственной души для неё важнее внешних катаклизмов и конфликтов. Для поэтессы характерно романтическое восприятие мира. Некоторые дилетанты в области критики не различают понятия романтики как круга тем, проблем и пафоса (романтика освоения Сибири, севера, романтика космических полетов) и романтизма как типа творчества, не воссоздающего, а пересоздающего окружающий мир. Творчество Л. Гордеевой тяготеет именно к романтизму как типу творчества, для которого характерно неприятие реального социального мира, противопоставление поэта и толпы, уход в мир снов и грез. Она задает сакраментальный для романтиков вопрос: «Зачем мы приходим сюда?» [3, с. 13], то есть в этот реальный мир из мира иного.

Поэтика романтизма пронизывает образную систему поэтессы. Отсюда традиционные для романтизма пассажи: «Слышу неземные дали, // О которых день молчит» [2, с. 25]; «Я удалюсь в полувоздушность грота, // Оставив мир несбывшихся надежд, // И пусть меня Один услышит кто-то, // А не толпа оглошшая надежд» [2, с. 28]. Не случайно она обращается в стихотворении «Алые паруса» к образной системе Грига: «А мне все снятся паруса // и Грина алые фантазии!.. // Как прежде верю в чудеса, // жду твоего письма с оказией» [4, с. 55].

Поэтика сна была характерна для неоромантизма начала XX века. Любовь Гордеева – наследница этих традиций. Это связано с переключкой эпох безвременья. Уже в первом своем сборнике поэтесса декларирует: «Дорога сны о прошлом навевают, // Уводит от безумной суеты, // А небо поминутно посылает // Несбыточные сладкие мечты» [3, с. 6]. Из реальности она уходит «в долину снов» [3, с. 65] и видит «сны наяву» [3, с. 69]. «Как сон продлится долгий вечер, // Где боль в разлуку упадет» [3, с. 108], – обращается она к своему любимому. Гордеева поэтизирует зимний сон природы: «Сном

утомленная сирень // Еще дрожит под снегом» [3, с. 98]. Ей кажется, что в состоянии сна находится и родина. «Что тебе, родимая земля, // В этот час разлуки может сниться?» – вопрошает поэтесса [3, с. 39]. Сама реальная жизнь воспринимается как сон: «Все смешалось, все трепещет – // краски, запахи и звуки... // Лик Земли!.. // Не сон ли вещей, // Как ответ ложится в руки» [3, с. 33]. Наконец, неизбежно возникает образ смертного сна: «И сердце биться перестало, // Сном смертным подступила мгла» [3, с. 27]. Через тему вечного сна поэтесса восходит к иным, непознанным мирам, к загадке жизни и смерти:

А небо в звездах кажется предтечей
Сна вечного, куда вернемся вновь!..
У изголовья памятные свечи,
И в сердце мира теплится любовь.
Был свет луны для подноготной
Платьем,
Была раскованность, что нежностью
Звалась...
Нас грели нерушимые объятия,
Пока звезда с небес не сорвалась [4, с. 203].

В последних сборниках явно усиливается мотив ухода, расставания с жизнью. «Когда последняя звезда // в ночь упадет с небес без звука, // промчатся дни, а вслед года, // и я уйду с последнею мукой...» [4, с. 211]. Поэтессу притягивают к себе миры иные, «тишина мирозданья и нездешней покой» [3, с. 5], и появляется стремление «обратиться к Богу» [3, с. 6]. «Нам для спасенья – крылья Веры, // Надежда согревает кровь» [3, с. 9], – признается поэтесса. Природу она воспринимает как Божий мир, а человек для неё – венец творенья: «Природа, ты дело творца, // А мы – твои дети, Природа» [3, с. 17]. В её стихах появляются образы ангелов и серафимов. Она видит «ризы небесные», [3, с. 51] «небесный киот» [5, с. 5], а по утрам «просветленными глазами обзирает божью благодать» [4, с. 17]. Она ощущает сакральность, таинственность окружающего мира:

Далеко ходить не надо –
Рядом Божья красота!..
В росах утреннего сада
Жизнь лилового куста,
Трав душистых безнадежность,
Озера лесная тишь
И таинственная нежность
Мира, где грустит камыш [4, с. 9].

У неё «стремится ночь к богомолью, // Как путник к призраку огней [3, с. 61]. Она утверждает высшие духовно-религиозные ценности в стихотворении «Блаженные: «Звезда упадет как Знамение! // Бескровные губы в бреду... // Христа к ним нисходит видение, // Цветение в райском саду» [3, с. 79]. Пронзительны её стихи «Вербное Воскресенье», «Святое Воскресенье», «Рождество», «Глубинная книга», «Церквушка». Поэтессе удается передать молитвенное состояние души. Не случайно она обращается к жанру молитвы.

Для стихов Гордеевой характерен политематизм. При этом в ее поэзии доминирует медитативно-образительная лирика. Она старается избегать открытой публицистичности и дидактизма. Для таких её стихов характерна особая роль метафоры, эпитета, сравнения, метонимии, которые обязательно должны быть оригинальными, неповторимыми. Иначе неизбежно возникнет впечатление вторичности. Мало у кого из современных тверских поэтов мы найдем такие драгоценные находки, как у Гордеевой: «Света белого кони окружают Россию мою» [2, с. 31]; «Вовеки нас не примерить, // Как соль не выпарить из глаз» [3, с. 29]; «Васильки на подоле // Одинокой межи» [2, с. 11]; «Взгрустнет желтоглазая верба» [4, с. 22]; «Предчувствие тоже предзвездье» [5, с. 4]. Некоторые её строки афористичны: «Стихами греется земля» [2, с. 16]; «Мир нездешний, мир иной // Рядом где-то затаился» [2, с. 14]; «Мы – изгнанники рая. // Мы – изгой судьбы. // Время нас убирает // В даты, в урны, в гробы» [4, с. 241].

Поэтическое мастерство Л. Гордеевой проявляется в разнообразии строфики. В её сборниках мы встретим не только традиционные катрены. Но и октавы, терцины, триолеты, секстины, сонет, венки сонетов и т.д. Несомненно, разнообразию строфики и рифмовки поэтесса училась у И. Анненского. Вообще учителей она выбрала себе подлинно великих. Об этом можно судить по аллюзиям и миницитатам, которые можно встретить в её стихах, прямым обращениям к предшественникам и посвящениям. Никто из тверских поэтесс не миновал влияния классики. Но в дополнение к этому для Гордеевой характерно обращение к стихам А. Блока, И. Бунина, С. Есенина, глубинным традициям античной поэзии:

Томик Бунина беру,
в темные спешу аллеи,
с неба павшую звезду
на лету поймать сумею.
Дни осенние стоят,
Старый сад окутан дымкой.
О разлуке говорят
Мне глаза – две серых льдинки... [4, с. 92]

Посвящая свое стихотворение тому или иному автору, поэтесса как бы впитывает основные черты его поэтики, мысленно проникает в его образную систему. Замечательны, например, строки стихотворения, посвященного Ю. П. Кузнецову: «Дремота сильнее меня, // В дремоте я тихо плыву // На краешек резвого дня, // Где пища найдется уму» [5, с. 14]. Поэтесса словом не обмолвилась о том, что Ю. Кузнецов утверждал своим творчеством русскую идею. Но для человека, хорошо знающего творчество Ю. Кузнецова, возникновение мотива дремоты весьма показательно. Поэт в своём «Воззрении» писал о русской дремоте как черте национального характера и национального бытия. Дремота восходит к образам Ильи Муромца и Емели. С его точки зрения, русскую дремоту, каждый по-своему, воплотили и Гончаров, и Державин, и Тютчев, и Лермонтов, и Тургенев. «Во всех случаях русская дремота открыта и восприимчива, и не исключает Бога» [7, с. 15], – подчеркивал Ю. Кузнецов. Гордеева как бы вписывает творчество Ю. Кузнецова в национальную русскую мифологическую традицию. В

стихотворении «Посвящение» она воссоздает образ великого русского поэта – нашего современника: «Есть голос на все времена: // в нем чайня с мукой сплелись, // полна им и бездна и высь, // и даль его громом полна» [4, с. 151]. «Бездна», «высь», «даль» – ключевые слова в поэзии Кузнецова. Вот он, русский национальный характер с его максимализмом и крайностями: «Но если идти, то до неба, // Но если сгорать, то дотла» [4, с. 151]. Исполвиль образ поэта сравнивается с образом Георгия Победоносца. Собственно, и сама Л. Гордеева выходит на уровень воплощения мифологического сознания, что придает её стихам масштабность и космизм:

И снова полем земного мира
Люди, как тени, идут.
И снова звучит безголосая лира –
Душе и отрада, и труд!
Кто-то новый строит скворечник,
Кто-то и печь сложил,
Кому-то зажгли поминальные свечи,
А кто-то и вовсе не жил [5, с. 17].

В стихотворении «Конь» возникает мифологический образ Пегаса: «Земного хлеба просит он с руки // и звезды отряхает с лунной гривы, // шаги его неслышны и легки // в края созревшей безголосой нивы» [4, с. 149]. Подчас поэтесса не удовлетворяется живой метафорой, а, как и Кузнецов, использует метаморфозу: «Но плач обратился в дожди, // А смех стал осколком прибора...» [4, с. 150]. Поэтессе удается передать ощущение парадоксальности мира, смертельной схватки добра и зла.

В первых сборниках достаточно часто встречались и неудачные, сырые или искусственные, неорганичные, вычурные строки: «И в реверансе небывалом // Застынут прожитые сны» [2, с. 34], «Новый год дни поет молодые» [2, с. 30], «О чем молилась голова» [2, с. 50]. Молится человек, особенно православный, всем своим существом, душой, а не только головой. А это прямо-таки садомазахистские фантазии: «Любила я, а ты не знал, // Не призывал и не мытарил, // Меня, как пленницу татарин, // Ты в ярости не обнимал» [2, с. 40]. Вряд ли лирическая героиня в реальности хотела бы, чтобы возлюбленный её мытарил: «Я близко видела тебя, // Что ближе, верно, не бывает. // Так, ночи план средь бела дня // Видение напоминает» [2, с. 27]. Канцеляризм в данном контексте явно неуместен. С моей точки зрения, и следующие выражения косноязычны: «Поллюбить необъятный охват» [2, с. 24]; «Пропадал вопросом // Новогодний детский бал» [2, с. 21] и др. Встречалась у поэтессы и довольно неуклюжая инверсия «Сон, которому где взяться» [2, с. 14]. Впрочем, в последнем сборнике стихов Гордеевой явных огрехов мы уже не встретим.

У Л. Гордеевой практически нет сюжетных стихов, мало стихов, ориентированных на социальные проблемы. Особенностью её любовной лирики стала поэтизация нежности, которая подчас распространяется и на мир природы. В её частотном словаре высокий рейтинг имеет слово *надежда*, что говорит об оптимистическом, светлом начале её поэзии, несмотря на драматизм и даже трагизм многих произведений. Символом духовности становится слово *свеча*. В некоторых стихах она обращается к красочной

палитре живописи. И все-таки бесконечное плетение образных кружев порой начинает утомлять читателя. На этом фоне стихи, посвященные России, малой родине, трагедии русского народа, кажутся особо весомыми и значимыми. Здесь на первое место выходит слово *родное*, мир наполняется красками и запахами:

И запах сладкого левкоя,
Небес сиреневая мгла,
И плиты вечного покоя,
И золотые купола.

Согретый солнцем школьный двор,
И голоса, и крон волненье,
Колоколов густое пенье –
Все мне родное с давних пор! [5, с. 10]

Поэтесса находит живописные, яркие и в то же время душевно теплые образы, рисуя картину прекрасного, но брошенного людьми отчего края, так что невольно наворачивается на глаза «слеза раскаяния» [5, с. 27] («Малая родина»). Именно в этих стихах появляется историзм мышления, когда лирическая героиня чувствует присутствие в современном пейзаже веяние былого, исконно русского. Все нынешнее происходит там, «где дремлют древние заставы // И тракт белеет, уходя» [5, с. 23]. В этих стихах поэтесса прямо обращается к читателю, стремясь разбудить его самосознание: «Что происходит с нами? // Затравленная жизнь... // Как будто сапогами // Вновь по душе прошлись» [5, с. 25].

И все-таки, несмотря на все беды, тьму и холод, живое оптимистическое начало в лирике Гордеевой одерживает верх: «Нет, в отчем доме свет не гасится! // Горит он вопреки всему» [5, с. 27], Сияют золотые купола Града Китежа «Как откровение вселенной. // Как тайный замысел небес, // Всем силам тьмы наперевес // Явлением красоты нетленной» [5, с. 28]. Этот оптимизм и жизнелюбие питается верой: «Блаженная минута настает, // Когда с молитвой припадаем к Богу» [5, с. 29]. Вечный зов в её поэзии – это зов Родины, России:

У России моей
Голос памятно-нежный,
Синь озер и морей,
Даль просторов
Безбрежных [5, с. 90].

Выходя на философский уровень осмысления действительности, поэтесса задает вопрос себе, России, человечеству, что нам предстоит, «путь в никуда или дорога к звездам» [5, с. 221].

Л. Гордеева ощущает себя свободным художником. Она пишет свои стихи по зову своего сердца, провозглашая: «Я – свободно парящая птица. // Нет границ для меня и преград» [4, с. 246]. «Но, – как писал Н. Бердяев, – автономия искусства совсем не означает того, что художественное творчество может или должно быть оторвано от духовной жизни и духовного развития человека. Свобода не есть пустота. Свободное искусство вырастает из духовной дубины человека, как свободный плод. И глубоко и ценно то лишь искусство, в котором чувствуется эта глубина» [1, с. 304]. Глубина личности

определяет глубину творчества. И в этом смысле Любовь Гордеева сохраняет большой, еще полностью не реализованный потенциал.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О русских классиках [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Высшая школа, 1993. – 368 с.
2. Гордеева, Л. Г. Каменный остров. Стихотворения [Текст] / Л. Г. Гордеева. – Тверь : Русская провинция, 2003. – 104 с.
3. Гордеева, Л. Г. Музыка небес. Стихотворения [Текст] / Л. Г. Гордеева. – Тверь : Русская провинция, 2006. – 120 с.
4. Гордеева, Л. Г. Пески времени. Стихотворения [Текст] / Л. Г. Гордеева. – Тверь : Седьмая буква, 2011. – 256 с.
5. Гордеева, Л. Г. Цветы полнолуния. Лирика [Текст] / Л. Г. Гордеева. – Тверь : СФК-офис, 2006. – 240 с.
6. Епископ Александр (Семенов–Тянь-Шанский) Православный катехизис [Текст] / А. Семенов–Тянь-Шанский (Епископ Александр). – М. : Московская патриархия, 1990. – 128 с.
7. Кузнецов, Ю. П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы [Текст] / Ю. П. Кузнецов. – М. : СовА, 2006. – 440 с.
8. Петров, М. Г. Соло на два голоса. [Текст] / М. Г. Петров // Гордеева Л. Г. Каменный остров. Стихотворения – Тверь : Русская провинция, 2003. – С. 5.
9. Петров, М. Г. Поэт глубинки [Текст] / М. Г. Петров // Гордеева Л. Г. Пески времени. Стихотворения. – Тверь : Седьмая буква, 2011. – С. 5–8.
10. Рябенский, К. В. Стихи, которые волнуют [Текст] / К. В. Рябенский // Гордеева Л. Г. Музыка небес. Стихотворения. – Тверь : Русская провинция, 2006. – С. 3–4.

THE ARTISTIC PERSONALITY OF TVER'S POETESS LUBOV GORDEEVA

V. A. Redkin

Tver State University

The department of the philological bases of publishing and literary work

L. Gordeeva's lyrics romantic by its nature with such characteristic of romanticism poetics as sleep, opposition hero to crowd, associative and metaphoric imagery system. She goes into his inner world and doesn't taking the contemporary social reality. In her best poems she goes to the level of the philosophical understanding of the life. The basis of her optimism is her faith. Nature it perceived as God's world. The skill and professionalism of the poet appears in diversity strophics in the fine instrumentation, in a distinctive topics.

Keywords: *L. Gordeeva, romanticism, sleep, nature, national character, faith, hope, love, home.*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru

Научная библиотека ТвГУ